

увлекаясь игрой обеспечения в рассказе “уровня реальности”. Тем самым “феномен жизни”, воссоздаваемый писательницей с очевидной нарочитой полнотой подробностей, вступает в столь же очевидное противоречие с условностью сюжета. Возникает угроза художественной дисгармонии. Кроме того, бунинский текст “живет” неослабевающим внутренним напряжением, связанным с ощущением бытия, как “восторга и ужаса” одновременно. А за избыточными описаниями Кузнецовой нет экстатического напряжения и остроты, они окрашены скорее в элегические тона, свойственные, впрочем, всему рассказу в целом. Такого рода лиризм становится “спасением” для писательницы, стремящейся удержать распадающуюся целостность произведения. Особенно это очевидно в финальном эпизоде, где речь идет об осмотре католической часовни со скульптурой Богоматери в центре.

Тем самым бунинское трагически-напряженное чувствование мира трансформируется под пером Кузнецовой в мировосприятие чувствительно-элегическое, несущее в себе - насколько это возможно для художника XX столетия - некоторые сентиментальные черты. Контраст мироощущений еще более очевиден при сопоставлении этого эпизода с бунинским рассказом “Богиня разума”. Собственную нетерпимость к чувствительно-сентиментальным интонациям в литературе Бунин однажды выразил так: “Только без лиризма. Не надо “открывать читателю свою душу”, не надо становиться с ним на равную ногу... Надо его бить по голове, писать жестоко, спокойно, только это и производит впечатление”.

О. М. Пресняков
Екатеринбург

ОНТОЛОГИЯ И ВРЕМЯ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО “ПЕТЕРБУРГ”

Роман Андрея Белого “Петербург” представляет собой произведение, в котором воссоздается особая реальность жизни сознания, где главным событием является акт понимания себя и мира. Подобная реальность, прежде всего, связана с образом повествователя, который создающимся на наших глазах романом как бы говорит: “Чтобы в мире что-нибудь понимать, нужно научиться думать, что ничего еще не вытекает из того, что дело обстоит именно так, как оно обстоит, заданное прошлым. Все еще возможно!”. У Белого вся его эпопея обнаружения человеком своего действительного положения в

230

мире, сама модерна форма его произведения “основаны на идее, что прошлое, во всем его смысле, сбывается и становится непреходящим в динамический момент “здесь и теперь”, что оно не повязывает собой будущее и что все тем самым еще возможно в некоторый особый момент”, момент понимания. Роман Белого в каком-то смысле представляет собой текст текста, ибо его композиция, связанная с личностью повествующего лица, его впечатлениями, является формой воспроизведения текстов сознательной жизни повествователя. Роман “раскручивает” ситуацию, когда повествователь оказывается перед вполне определенной онтологией сознательной жизни и ее текстами и должен над ними медитировать, чтобы дать онтологии проявиться в его жизни, в его эмпирическом сознании и мышлении.

В романе сосуществуют, на наш взгляд, два временных потока. Один из них - объективное время, та длительность, в которую укладывается жизнь повествователя и других персонажей романа как эмпирических существ. Второй временной поток формирует тексты сознательной жизни повествователя, укладывая его мыслящее “я” в промежутки между их пониманием и непониманием, между ясносознанием (ясновидением) и темнотой.

В нашей работе мы выделяем в качестве исследовательского поля именно второй временной поток, генерирующий, на наш взгляд, все существенные смыслы романа Белого. Символическая значимость “Петербурга” связана для нас с тем, что в нем содержатся знаки (или - тексты) сознательной жизни, проецирующие ее онтологию, т.е. уходящие с поверхности “я” в его глубину. Сознание повествующего “я” романа воспроизводит, с одной стороны, реальные события и явления, но, с другой стороны, текст сознания повествователя составлен из явлений, которые не имеют буквального смысла. Феноменологическое погружение в глубинное пространство собственного “я” связано для повествующего субъекта с событием постижения этого не-буквального смысла. Чем больше повествователь понимает подобного рода явления, тем меньше он понимает их наглядно, буквально, в качестве биографических событий. Хотя в то же время - это реальные события. Таким образом, в романе Белого - в рамках повествующего “я” - воссоздана онтология сознательной жизни, которая существует независимо от эмпирического пространства действий этого “я” и содержит в себе онтологические отношения, в том числе и временные.